

КУДРЯВЫЙ ПЕЛИКАН

В один из майских дней мы с дедом Макеем объезжали нерестилище на Зайсане. Закончив объезд, Макей отвел лодку к тростниковому плесу. Достал беломорину, глубоко затянулся, выпустив облако голубоватого дыма. Женька развалился на теплом носу дюралевой лодки, смотрел на зеленоватую прозрачную воду. Я сидел на середине лодки, на пропахшей рыбой деревянной доске, вместо скамейки распиравшей бока «Вихря». На глубине серо-зелеными болотными тенями проходили окуни. Мелюзга дружной стайкой сутилась на поверхности у кормы. Звонко перекликались рыбацкие белокрылые крачки. В тростниках стрекозы потрескивали сухими, как целлофан, крылышками.

— Хорошая у тебя, деда, работа, — вдруг прервал наши мысли Женька. — Катайся себе на лодке, сколько хочешь. Это не то, что в школе за партой. Да еще жди, что тебя вызовут к доске. Вырасту — стану рыбаком и, как ты, буду браконьеров гонять.

Шел нерест сазана и потому время от времени в зарослях по мелководьям слышались всплески нерестящейся рыбы. Вдруг вдали затарахтел мотор. Дед прислушался, насторожился и привстал. Из-за тростников вскоре вывернула «Казанка» и пошла прямо к лодке Макея. «Казанка» лихо развернулась, пустив перед собой череду волн, и нам казалось, что кто-то из глубины стал долбить по днищу лодки.

— Макей! Чего спишь-то! Вон там, на Большом плесе!.. — кричал сквозь рокот мотора Алексей. В селе этого балагура звали просто Лешка. — Вон там, — кричал Лешка, — где чайки вьются... видишь, браконьеры во всю шпарят. А ты сидишь. Тоже мне — инспектор.

— Кто, опять нашенские? — тревожно сказал Макей.

— Какие там нашенские, чужие примухали. Ловят —

только треск стоит, сачками. И все в ластах. Кати поскорее. Во-он чайки — видишь, вот там. — Лешка подмигнул нам зеленоватым глазом и, круто развернувшись, скрылся за ближними тростниками.

Макей зло дернул шнур, завел мотор и, нажав до отказа на рукоятку, пустил лодку через редкий рогозник на заячью круговерть.

— Я им сейчас покажу рыбалку, сукины дети. Я им покажу сачки и ласты, — ворчал негодующий Макей. — Хапуги проклятые. — Уже было хорошо видно, как одна за одной чайки и крачки бухали в воду и, подцепив рыбешку, спешили отлететь в сторону, потому что в тот же миг окружались другими и каждая из подлетевших норовила выхватить желанную добычу. Они схлестывались и было непонятно, кому доставалась рыбка: законному рыбаку или обнаглевшему перехватчику. Уже небольшие заросли водной растительности отделяли лодку от места рыбалки белых птиц. Макей сбавил ход, а Женька привстал на носки, чтобы первому посмотреть на нарушителей. Он встал на цыпочки, вытянул шею и глазам не поверил: он присел и махнул, что, мол, выключи мотор.

— Кто там, чего ты шикаешь? — буркнул Макей.

— Да ты посмотри, деда, — торопливо шептал и жестикулировал Женька.

Макей взял бинокль и осторожно встал на нос лодки.

— Ах ты, черт побори их, а! Да ведь это пеликаны, Женька! Пеликаны рыбалют! Впервой вижу. Сколь здесь живу, а вижу впервой. А среди них черные шныряют, никак бакланы. Во дают! Это действительно браконьеры! Браконьеры!

Женька стоял рядом: «Ты, деда, тише, услышат. Ты посмотри, как они глотают рыбу, вот живоглоты. А чайки-то, чайки, — шептал Женька, — тоже время не теряют, одна за одной».

Дед со внуком менялись биноклем, все удивляясь ловкости пернатых рыбаков. Я тоже наблюдал за птицами в бинокль. Подводники-бакланы, которые шли в глубине, как сети. Как баркасы легко держались на плаву пеликаны и черпали своими клювами рыбу. Еще и чайки глушат рыбу с воздуха. Лодку, остановившуюся в тростниках, птицы не видели, да и не могли видеть, уж столь азартной была их рыбалка. Макей с Женькой наблюдали, как пеликаны с бакланами полукольцом шли к отме-

ли, сгоняя перепуганную рыбу. Они хлопали крыльями, то и дело совали сачкообразные кожные клювы в воду. Бакланы на какой-то миг показывались над водой, чтобы справиться с добычей, и снова уходили под воду. Перед пеликанами вода кипела, как живая похлебка, от рыбы. Подобно тучным поварам, облаченным в белое, они своими длинными клювами, как ложками-плошками, мешали ее. Их мешкастые головы тыкались в воду, и тут же пеликаны глотали живую, трепыхающуюся в кожной сумке рыбу. Некоторые из них пытались перехватить свою добычу: они подбрасывали ее, чтобы заново поймать и проглотить. Но ловкость соседей нередко опережала, и подброшенная рыба в тот же миг оказывалась в ловко подsunутом мешке бесцеремонного соседа, который, на удивление, как резиновые, изгибал и растягивал дужки подклювья. Обижаться и сводить счеты пеликанам некогда. Нужно было торопиться ловить рыбу, оказавшуюся в их роковом кругу. Не более пяти минут наблюдали эту странную рыбалку дед Макей и Женька. Сытые, нагруженные рыбой, пеликаны тяжело и вразвалку вышли на отмель. Следом выбирались бакланы. Отмель покрылась десятками крупных белых и черных птиц, которые тотчас приступили к туалету: чистили перо и трясли мокрыми крыльями. Бакланы распростирали темные паруса намокших крыльев и, открыв клювы, недвижно стояли, словно вывешенные на просушку чучела.

— Деда, ты понял, почему Алешка назвал их браконьерами с сачками, да еще в лапах. Сачки у них — кожные клювы.

— А лапы откудова, это он подзагнул, — пробурчал Макей.

— Нет, не подзагнул. Ты разве не понял, почему лапы?

И не дожидаясь:

— Да это же у них лапы на лапы похожие, ведь у них все четыре пальца слиты толстой, словно лапы, плавательной перепонкой, отчего они походят на весла. Поэтому зоологи пеликанов и бакланов называют еще и веслоногими. Недаром же их вместе с бакланами, олушами и фрегатами относят за такие устройства лап к веслоногим.

— Погляди-ка ты на этого облупленного профессора, нос сначала вытри, — с лукавой суровостью сказал Макей. — Ты, поди, врешь все, а я уши развесил.

Женька однако заметил, что деду нравится рассказ его, и продолжал:

— Ты же знаешь, я никогда не вру, а знаю потому, что на юннатской станции занимался — это раз, и то, что по веслоногим сам доклад делал. — Женька, распаленный восторгом от только что увиденной рыбалки и не с экрана телевизора и кино, а на озере Зайсан, с неостывающим пылом продолжал: — Всего, деда, на нашей планете живет 9 видов пеликанов, как в жарком, так и в умеренном поясах. Короче, во всех частях света. Только в Антарктиде нет их. А в нашей стране живет два вида — розовый и кудрявый. Они издали очень похожи. Но это, конечно, только кажется, что они похожие очень. На самом деле есть различия, и это знают зоологи.

Вот например, у розового пеликана на голове розоватый хохол и ярко-красные, почти рубиновые, глаза. На лбу залысины, образованные желтоватой кожей. А мешок под клювом с желто-синеватым оттенком, лапы красноватые. Здорово отличается, птенцы — они темные. Которых мы сейчас наблюдали, у кудрявых пеликанов, у них перья на голове и спине волнистые, как бы сплетаются в небольшой, но, в общем-то, заметный причудливый хохол. И глаза у них не красные, а серебристо-белые. А мешок весной бывает почти кроваво-красный. Не веришь, деда, посмотри, — и Женька протянул ему бинокль. Я тоже взял и посмотрел. Женька говорил самую правду.

— И, наконец, — продолжал «профессор» с облупленным от солища носом, — ноги у этого черные, будто бы из черной резины отлиты. Вот тебе и ласты! Птенцы у них другие — они светло-бурые, и поэтому их всегда можно узнать. Ты знаешь, крылья-то у них какие? Во! — И Женька развел в сторону руки: — До трех метров в размахе. Летит когда — самолет целый.

Женька по-прежнему с жаром рассказывал об особом строении этих удивительных птиц. На некоторое время я перестал слышать его, а лишь видел, как он разводил руки и, подобно неуклюжему и не умеющему летать существу, бесполезно размахивал руками, хватал и будто вытягивал почти на полметра собственный нос, оттопырив нижнюю губу, небрежно шлепал ею и, сделав руки караваем у подбородка, как сачком хватал воздух. Изображал неуклюжую походку, косолапил и топтался

на носу лодки. Мне же вдруг представилась далекая весна, когда я жил на острове Муйнак в Аральском море. С моим дружкой, тоже Женькой, мы в тот день брели по плоскому песчаному берегу, перемытому беспокойной волной, далеко за поселком. Мне запомнилось удивительно чистое, бездонное голубое небо, и еще более удивительная сине-голубая, почти ультрамариновая, вода. Где-то далеко-далеко вода и небо, незаметно сливаясь, переходили друг в друга. Берег полуострова, по которому мы шли, казалось, висел в сине-голубой бездне воды и неба. И вдруг — большая вереница бело-розовых птиц. Их было более двадцати. Громадные, они медленно размахивали широкими крыльями. Перья их, как черные растопыренные пальцы, скребли чистое нежное небо. Положив мешкастые головы на грудь, они очень походили на летящих птеродактилей.

Очарованный неожиданной картиной, я до боли в глазах всматривался в этих неуклюжих и в то же время по-своему великолепных птиц. Женька перебил меня.

— Видал, какие бабуры!

— Никакие это тебе не бабуры,— возразил я,— а пеликаны.

— Нет, это бабуры!— напыжился он.

— Нет, пеликаны...

И как два взъерошенных хорька, на чем свет стоит мы кричали, стараясь переспорить друг друга.

Помню, в сердцах я сказал ему — хорошо, я согласен, что бабура, но только ты.

— А ты пеликан, пеликаша, ха-ха-ха!— И он изобразил, что окончательно срезал меня, схватился за живот и нарочно повалился. Тогда я швырнул в него горсть песка. И пошло: неистово крича — «бабура», «пеликан» — друг на друга, мы схватились и стали кататься на песке. Возня наша словно подействовала на птиц: бабуры-пеликаны расстроили стаю и, не махая крыльями, стали кружить над нами как орлы, набирая высоту. Потом долго мы еще с Женькой стояли, сделав ладони козырьком, вглядываясь в уходящую в далекую синь грубоватых, с виду тяжелых и огромных птиц, которые необычно легко парили над голубыми водами Арала, пока вовсе не скрылись из виду.

С тех пор много воды утекло. Но и посейчас предельно ясно я вижу тот далекий весенний день и поразивших меня птиц.

И каждый раз теперь с беспокойством думаю: неужели из-за нас, еще не осознавших все прекрасное на земле, когда-нибудь исчезнут эти великолепные птицы, с виду такие же нелепые, как и их прошлое название: птица-баба, бабура или кудрявая баба. И будет очень жаль, если наши потомки никогда не смогут увидеть их — громадных и неуклюжих, но так красиво парящих в чистом и высоком небе весны.

Женька все еще продолжал с прежним азартом рассказывать и жестикулировать.

— Ты знаешь, деда, у пеликанов клюв такой, что больше ни у кого на свете такого нет. У одних птиц они крючковатые, у уток — плоские, у воробьев — толстые и короткие, тонкие и длинные — у куликов. Пики настоящие у цапель и выпи. А вот как у пеликана — ни у кого! Мне всегда почему-то кажется, что пеликан чем-то смахивает на козодоя, на волка и даже на бегемота и, наконец, на тыкву. — И Женька искренне смеялся своей выдумке. Макей молча, но с нескрываемым интересом пускал дым, смотрел на разболтавшегося и смеющегося внука.

— Ты, брат, того, крепко дуги перегибаешь, — перебил его Макей.

— Хе! Не веришь, деда? Я вам сейчас докажу. Слушайте: так вот, во время рыбной ловли пеликан челюсти свои разводит вот так, — и Женька сделал руки колесом. — Также почти разевает свой рот и козодой, когда за насекомыми охотится, или когда пугает кого-нибудь.

— А чем же на волка? — вмешался я.

— Да пеликан ведь так же как и волк, если захочет, в любой момент может отрыгнуть всю пищу, что у него в желудке есть. Почему на бегемота? — думаю, понятно вам. Таких ртов-саквояжей нет больше ни у кого. Того и гляди проглотит. Разве не сходство, а? А вот тыква, — и Женька прищурил глаза. — Он похож, по-моему, тем, что тыква самая крупная среди других овощей, так и пеликан среди птиц. Мне кажется, он даже в своей неуклюжести похож на нее больше, чем вообще на какую-либо другую птицу.

— А название птица-баба? Ха-ха-ха-хи-и! — Женька искренне расхохотался. — Вы только вдумайтесь. Среди другой мелочи, вплоть до гусей, пеликан самый крупный, как наша бабуся среди нас, внучат. Он всегда важный и ходит по-старушечьи, вразвалку,

Женька разошелся. У него блестели глаза: доказал или нет?

— Но ты, Женька, болтун! Не знал, признаться, ты эдак и до меня со своим пеликаном доберешься! Ну болтун, ну профессор!— усмехался Макей.

Женька уселся на нос лодки, свесил ноги, достал пальцами до воды и стал болтать и шлепать ногами.

— Все, что я вам наговорил, на кого похож пеликан, это я все сам придумал. Но мне он по правде самому напоминает этих животных, которые, конечно, в общем-то и, наверное, не похожи, это я так.

— А вот если б у меня был ручной пеликан, ну как, например, собака,— пеликаны же хорошо привыкают к людям,— тогда бы я приспособил его для купания. Плавают же на их спинах бакланы после рыбалки. Они вскакивают им на спины, раскинув крылья, сушат мокрое перо. А пеликаны знают это и позволяют кататься. Вот и я бы вместо баклана плавал на их спине. Пеликану нетрудно было бы удержать меня. У них даже кости наполнены воздухом. Отчего и плавают, как надутые резиновые игрушки. Я читал, что бурый пеликан, живущий на побережьях Америки, приспособился с высоты 20 метров, будто бомба, плюхаться в воду. И даже успевает схватить рыбу. А потом вылетает наверх, словно пробка, хвостом вперед. Вода выталкивает.

— Женька, ты вот все про пеликанов. А про бакланов что-нибудь знаешь?— спросил я.

— Бакланы — совсем другое. У них перо обычно быстро намокает. Им поэтому легко и ныряется. Как подводные лодки, они шныряют под водой и не пропускают рыбу из кольца. Она к берегу, на мель, а там ее пеликаны цапают... Вот так и помогают друг другу. За это и разрешают пеликаны обсушиваться им на своих спинах.

Женька помолчал, поболтал в воде ногами. И опять продолжал фантазировать:

— Еще с пеликаном я всегда бы ходил в магазин. Лучше всякой дрессированной собаки: и покупки я носил бы не в какой-нибудь сумке, а в пеликаньей, которая не хуже всякой капроновой растягивается. У него в мешок сразу 2—3 кг рыбы входит. Глотка у него тоже что надо. Без труда взрослый человек может затолкнуть руку и достать рыбу прямо из желудка. Были случаи, когда пеликаны во время ловли рыбы так же запросто глотали подвернувшихся утят. Например, в Московском зоопар-

ке тоже заметили, что из-за пеликанов стали пропадать не только уже оперяющиеся утята, но и казарята. В Астраханском заповеднике, по наблюдениям ученых, всего за восемь месяцев взрослая пара и два птенца съели более тонны рыбы.

А вы видели, как они кормят птенцов? Со стороны может показаться, что родители их испытывают. Сплошное мучение! Как только к гнезду подплывают или прилетают родители, птенцы, они всю жизнь голодные будто, устремляются сразу же к ним, как в собственный карман, запускают клюв не только в пищевод, но и в их желудок.

— Женька! Я, например, где-то читал, что пеликаны очень привязаны к своим птенцам и поэтому не случайно у древних христиан они считались символом глубокой материнской любви. А предания говорили, будто бы родители способны разорвать собственную грудь, чтобы накормить голодных птенцов. Почему это существует такое странное предание, ты можешь объяснить?— спросил я.

— Потому, наверное,— не задумываясь начал он,— что весной, в так называемую брачную пору, перья у них на зобе и на горле краснеют. Поэтому, когда смотришь издали, то кажется, что пеликаны перепачканы кровью. У магометан, как я тоже читал, это в книге Брэма, пеликанов вообще запрещалось убивать и употреблять в пищу. По их преданию, в то время, когда строилась священная Кааба, воду для строительства, по указу самого Аллаха, пеликаны набирали в свои мешки и несли ее в Мекку.

— Ну ладно, хватит тары-бары разводить. Работать надо, время горячее. Не до пеликаньих сказочек,— завозился, качая лодку, Макей. Он накрутил на диск шнур. Достал беломорину, закурил и рванул шнур. Лодка дернулась и пошла, шурша, сквозь тростники.

На этом можно было бы и закончить мой рассказ, если бы не обстоятельства времени: сейчас пеликаны в Красную книгу СССР занесены. И чтобы они в дальнейшем украшали озера земли нашей, мы должны их оградить от бессмысленного истребления, другими словами охранять. И прежде всего от самих себя. А для этого нужно о них кое-какие иметь представления. Поэтому я обязан в моем повествовании немножко дополнить рассказ Женьки. Иначе разве можно охранять какое-либо животное, если мы о нем ничего не знаем.

Я бы сказал, что пеликан, как никакая другая птица нашей планеты, сумела сохранить и донести до нашего времени свою оригинальную внешность, характерную для древних крупных предков птичьего рода, которые впервые, когда еще не было на земле человека, завоевывали небо. Никакая другая птица так не походит на древних крылатых ящеров, птерозавров и птеродактилей. И крики у них примитивные, резкие и хрипловатые. И вместе с тем, что интересно, позы головы и выражения глаз характеризуют их как птиц весьма умных и внимательных ко всему окружающему. Это подтверждается тем, что если их преследуют, то они становятся очень осторожными. А в наше время — особенно. И наоборот, если они убеждены, что их не тревожат и не преследуют, то, доверившись, они перестают вообще бояться человека. Так, например, в прошлом у берегов Египта, где их люди не трогали, можно было видеть немало прирученных пеликанов, которые днем рыбачили, а вечером, как и подобает каждому рыбаку, возвращались домой.

Альфред Брэм писал: «Некоторые птицы посещают рыбные базары, помещаются возле рыбных ларей и до тех пор выпрашивают подачку, пока им что-либо не бросят, другие даже мастерски воруют рыбу из рыбных складов». Или же: «...вмешивались по вечерам в толпу гуляющей публики и с видимым удовольствием слушали «музыку». Как видно, стремление этих общительных птиц понятно: как говорится, себя показать и других посмотреть. Но как бы ни были осторожны зверь или птица — человек хитрей и изобретательней. И вот простой фокус, позволивший ловить их живьем, что называется, голыми руками. Однажды я читал у нашего ученого-натуралиста, как он ловил пеликанов для зоопарка: он брал тыкву, выбирал мягкую середину и, сделав прорези для глаз, надевал на голову. Затем по глубокому месту очень медленно, чтобы птицы ничего не заподозрили, приближался к отдыхающей стае пеликанов. Оказавшись рядом, он выбирал момент и хватал пеликана за лапы.

На зиму пеликаны семьями и стаями улетают в западную часть Средиземного моря. Зимуют также в Египте, Иране, Пакистане и на северо-западе Индии, а часть их улетает в юго-восточный Китай. Имеются и в нашей стране места их зимовок: Черноморское побережье Кавказа и юг Каспийского моря. Вот как в своей книге А. Брэм красочно описывал места зимовок пеликанов: «По еги-

петским берегам Средиземного моря, по течению Нила в пору разлива, или еще далее к югу, равно как на Белом и Голубом, с прилежащими к ним озерам, и, наконец, на Красном море — пеликанов собирается иногда столько, что глазом невозможно бывает окинуть одну только стаю. Они в буквальном смысле слова покрывают несколько квадратных километров; плавая по озерам, уподобляются гигантским водяным кувшинкам, а когда сидят на берегу или на островах, греясь или оправляя свои перья, представляют собой нечто вроде длинной белой живой стены. Там, где они собираются на ночлег, они так густо покрывают все деревья маленьких островов, что издали кажется, будто деревья эти покрыты одними крупными белыми цетами».

С мест зимовок они прилетают рано — как только вскроются реки, и, естественно, что в южных районах СССР примерно на полмесяца, а то и на месяц раньше, чем в северных. Первые появляются небольшими группами не более чем в три-пять птиц. Есть одна интересная деталь, касающаяся их пролетных путей. Как мы знаем, пути пролета многих птиц исторически складывались под воздействием обстоятельств, связанных с изменением облика земли и климата, и с их начальным расселением на планете. Следуя поэтому к местам зимовок, птицы как бы повторяют путь своего исторического расселения. Вот и пеликаны, в давние времена стремящиеся на Каспий, пролетали некогда над поймой полноводной реки Узбой, протекающей в Северном Казахстане. В наше время от бывшего величия этой реки ничего не осталось, она пересохла, и, по существу, остался ее след в виде сухого русла. Однако пеликаны не изменили своей исторически сложившейся традиции лететь вдоль умершей реки. И сейчас пролетный путь их проходит над этим же руслом, по сути, уже не нужным им. Они продолжают летать дорогой своих древних предков. Дорога эта указывается старыми, молодые учатся у них, и память об этом древнем пути передается от поколения к поколению и по сей час.

Вскоре же после прилета к местам гнездования у пеликанов начинаются брачные игры. Со стороны они выглядят несколько трагикомичными. Например, чтобы понравиться своей пеликанше, самец неуклюже, как верблюд, вперевалочку, не спеша ходит вокруг да около. Старается каждый раз задеть ее шеей или грудью и делает это все словно невзначай. Однако, как это час-

то бывает, заметив ее равнодушие, он будто бы приходит в отчаяние и тут же бросается в воду, как бы желая утопиться, при этом совершенно позабыв, что ему это никак не удастся даже при большом старании. Уже говорилось, что пеликаны плавучи как пробки. Гнезда они устраивают на островках или сплавинах-лабзах, на которых иногда поселяются большими или малыми колониями. Так, однажды ученый Казахстана А. А. Слудский на реке Или нашел колонию, которая состояла, примерно, из 200—250 гнезд пеликанов. Вместе с ними гнездились еще сотни три бакланов, десятки пар серых и белых цапель и в небольшом числе кваквы и колпицы.

Гнезда пеликанов большие. Устраиваются они из разного подручного растительного материала. Находили гнезда до полутора метров в поперечнике. И вовсе иначе они строятся по голым каменистым островкам. В них натаскивается разная трава, палки, в результате получается гнездо, похожее больше на кучу мусора высотой иногда до метра.

Будущие родители исправно разделяют свои обязанности, связанные с насиживанием. С появлением птенцов они проявляют крайнюю озабоченность о своих малышах с неприглядной, даже отталкивающей внешностью. Они голые, как воронята, личинковидные и еще больше, чем взрослые птенцы, походят на первых завоевателей воздуха — птеродактилий. Спустя некоторое время птенцы одеваются в белый нежный пух, буквально цепляющийся за малейшие шероховатости кожи рук. Потревоженные человеком, они смело бросаются в воду, уплывают, а потом лишь, когда человек уходит, возвращаются к островку. После вылета молодых старики обучают искусству рыбной ловли и передают все навыки, свойственные им. Это, прежде всего, способность глотать крупных рыб до одного килограмма и даже больше. Однако еще долгое время молодые узнаются на расстоянии: прежде всего в глаза бросается их серая окраска. Если удастся понаблюдать ближе, то заметно, что грива, или так называемый хохол, у них слабо заметны. Лапы-ласты и клюв у них серые. Улетают они поздно и окончательно исчезают к ноябрю — ко времени установления постоянного снежного покрова. Однако на озере Зайсан они улетают в конце августа.

В полете эта гигантская птица обладает изумительной способностью. Она может лететь километры над зеркалом

воды, при этом, казалось бы, почти касаясь грудью и кончиками крыльев ее поверхности, но удивительный расчет показывает, что она, непонятно как, но не касается, расчет идет на сантиметры, а может, даже и на миллиметры.

За последние годы сильно сократилась численность пеликанов. Только у нас, в Казахстане, во многих местах прежнего гнездования они перестали вообще встречаться. Ученые, оценив сложившуюся обстановку, предложили занести их в Красную книгу. Это значит, что пеликан как вид полностью и повсеместно охраняется. В прошлом веке пеликаны гнездились на Зайсане, а в конце столетия исчезли.

И только с 1960 года вновь появились, стали гнездиться, в 1980 году мы их насчитали в разных местах озера около пятидесяти пар. И надо надеяться, что этих прекрасных птиц уже в ближайшие годы станет больше не только на Зайсане, но и на других водоемах Казахстана.